

Вступление ко второй части

С тех пор, как я помню себя, сомнение не покидает меня, как некий призрак. Это состояние порой обретало болезненный характер. Когда некоторые мои догматические верования поддавались сомнениям, я чувствовал себя самым слабым человеком. Имело место самое безнадежное состояние. Даже в тех вопросах, где не могло быть никакой серьезной защиты, возможно, наибольшим вкладом постоянно дающей о себе знать недоверчивости в формирование моей личности стало понимание того, что мне нелегко будет обрести истину. Я уверен, что все, что я превращал в проблему, вплоть до своих инстинктов, давало мне силы оторваться от догматического стиля мышления, и по сей день сильного в общественной традиции Ближнего и Среднего Востока. В конечном счете, то, что европейский гегемонистский стиль мышления до сих пор остается влиятельным как в модернистском позитивистском догматизме, так и в мировоззрении постмодерна, свидетельствует о важности темы. Сравнивая основанное на вере мировоззрение Востока с интеллектуальной силой основанного на познании мировоззрения Запада, я старался определить свое место в этом ряду. Ясно, что я не смог увидеть себя ни здесь, ни там. Совершенно ясно, что эти особенности моего мышления способствовали тому, что моя жизнь с каждым днем продолжала углублять этот разрыв.

Ни мировоззрение, основанное на вере, ни мировоззрение, основанное на познании, меня отнюдь не удовлетворили. Прежде всего, я согласен с тем, что данные типы мировоззрения несут серьезную ответственность за разрастание социальной проблемы. Это выдвигает необходимость критических позиций в отношении систематики веры Востока и систематики рационализма Запада, что придавало мне в этом вопросе определенную смелость.

Вторая особенность заключалась в том, что мое пробуждающееся сознание совершенно не было оторвано от моих практических действий. В этом плане в моей личности очень рано проявилось стремление делиться. Еще в те времена, когда пешком ходил в начальную школу в соседнее село Джибин, возникали вопросы, почему я, используя несколько заученных молитв, стремился стать имамом для небольшой группы учащихся. Это было похоже на игру, но я относился к этому серьезно. Считаю, что в основе было стремление разделить со всеми благоговение в отношении молитв, которые я с трудом выучил, и стало быть, уважение к тому, что я начал мыслить. Все, чему ты с трудом научился, очень важно, так обязательно поделись с другими! Возможно, в данном случае я познал серьезный принцип нравственности. Поскольку в предыдущих томах своей Защитной речи я вкратце поведал о том, как первые рассветы современной эпохи ударили мне в лицо, не буду повторяться. Познав разумом, что разрушительная сила яростной погони в великом марафоне мышления — это ничто иное, как современный капитализм, я остановился. Теперь уже стремление растерзать божков последних четырех столетий (капиталистической

мировой системы), как ни странно, переполнило меня радостью и силой, такой, какая, вероятно, переполняла крушившего идолов пророка Авраама из Урфы. Я уже мог спокойно контролировать свою недоверчивость и общаться с искомыми мной «истинами» в свое полное удовольствие.

Человечество оказалось слабее всех. Очень больно, что его историческая встреча с истиной была снижена до инстинктивного уровня. Сегодня, вероятно, нет ни одной личности, не отступившей от своих убеждений за деньги или благополучие семьи. Я не говорю, что отрицаю это явление. Я просто хочу подчеркнуть ущербность такого шага, как уход в себя, в самое рациональное мышление, выдаваемое за философию. Таков мир, подаренный божеством национального государства своим счастливым слугам. Можно ли отрицать то, что мы живем в чудовищно суженном мире? Лично я считаю, что жизнь с верой в божество самых древних эпох в тысячу раз более священна и осмысленна, нежели жизнь под властью современного божества национального государства. Безусловно, я понимаю, что говорю о внутренне опустошенном божестве финансового монополизма. Но я уже с болью воспринимаю то, что люди, испытавшие на себе самый жестокий удар этого божества, продолжают оставаться под его влиянием и даже не задумываются о выходе. Я очень хорошо понимаю, что такое состояние является обычным для человечества. Трагические аспекты ситуации выявляются на фоне того, что наиболее жестоким отражением такой ситуации стал геноцид еврейского народа. Жаль, что повесть о племени иудейском сыграла значительную роль как в формировании единой ситуации, так и в постоянных жертвоприношениях, как в поговорке: «Что посеешь, то и пожнешь». Я не сомневаюсь в гегемонистском характере силы еврейского мышления. Я отнюдь не отрицаю и не принижаю степень отражения этого мышления в моей личности, от заучивания молитв до крушения идолов. Но даже пережитый евреями Холокост говорит о том, что они должны крайне серьезно, как у Адорно, спросить о многом самих себя. Имея в виду то влияние, которое испытал я лично, и, преследуя цель выплаты хотя бы части этого долга, я попытался задуматься о системе демократической цивилизации.

В этом смысле мы авраамистичны. Но присутствие наследия зороастризма придает силу такому фактору, как возможность различного истолкования. Господствующее мировоззрение в форме повествований истории о цивилизации подверглось серьезному кризису. Общепринятым является мнение о том, что развитие государства и власти будет представлено в качестве официальной истории, но не станет общественной историей. Представление истории как процесса становления государства и власти служит интересам монополии капитала, но является лишь его поверхностным, символическим отражением. Именно это делает историю нудной и не соответствующей традициям общества. Ясно, что такая история, являющаяся по своей сути антиобщественной, будучи традицией, продиктованной своей же собственной структурой, не только не выразит чаяний общества, но, более того, затемнит ее и подвергнет ряду искажений. Повествования о династиях являются аналогией такой историографии. Уровни представления интересов общества, пояснения, касающиеся религиозной истории, в частности, касающиеся начала эпохи цивилизации, оказываются историей государства и власти.

Классовые и экономические взгляды на историю, пусть и с иной точки зрения, но напоминают историю государства тем, что раскрывают эту науку в отрыве от социальной

действительности и принижают ее. Частично позитивистская точка зрения не может изложить смысл даже так, как это делает история религий. Насколько бы ни противоречили друг другу все эти исторические исследования, они совпадают в одной точке, а именно в своей принадлежности к цивилизации.

Я не считаю, что социальная природа обретает смысл и парадигматический, и эмпирический. Летописи, называемые историей общества, — это раздробленные части позитивистской социологии, неспособные пойти дальше изображения лишь одного фрагмента тела.

Все данные определения можно раскрывать очень и очень подробно. Но они не являются предметом нашего разговора.

Концентрация внимания на истории как повествовании о демократической цивилизации, даже часто повторяемая, имеет место по той причине, что социальные проблемы, которые я еще затрудняюсь полностью осмыслить, так и не нашли своего решения. Нерешенность присутствует не только в практической жизни — повествование тоже достаточно ею загружено. Слияние обеих ситуаций приводит к тому, что результат становится гораздо менее приемлемым, чем официальные повествования о цивилизации. Некоторое сужение частностей от имени истории общества усугубляет ситуацию и делает ее еще более запутанной.

Если объяснение данной ситуации классовым характером истории некоторым образом и проливает свет на ряд истин, я, тем не менее, открыто подчеркиваю, что научный социализм не решает проблему, а даже сам превращается в одну из частей проблемы.

Именно поэтому я неоднократно подчеркиваю, что до тех пор, пока современная капиталистическая парадигма не окажется полностью преодолена, не только не удастся достичь понимания исторической истины, но история будет гораздо сильнее скрывать истину и бессмысленно усложнять ее, нежели это делает история религий. Исторические последствия данного парадигматического взгляда Маркса сегодня видны особенно отчетливо. Неверная история — это неверная практика. Пока не будут преодолены парадигматические и эмпирические подходы цивилизации в целом, и современного капитализма, в частности, невозможно будет достичь парадигматических и эмпирических подходов социальной природы. В данном случае важно сделать следующее: приступить к испытанию, пусть и совершенно без подготовки.

Версия #1

Зверобой создал 14 января 2026 16:34:49

Зверобой обновил 14 января 2026 16:35:14